

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Л.Б. Вардомский*

Понятие «Большая Евразия» означает некий ареал международного сотрудничества на Евразийском материке, а наполнение его конкретными проектами и создание для этого международных институтов зависит от воли и интересов стран-участниц. Евразийская интеграция является неотъемлемой частью формирующегося Большого евразийского партнерства. Для оценки евразийского интеграционного процесса используется понятие «экономическая связанность», под которой понимается уровень взаимодействия экономик интегрирующихся стран в институциональном, торгово-экономическом и социальном аспектах. Стремление развивать евразийскую интеграцию «вширь» и «вглубь» свидетельствует о том, что разноуровневые процессы регионализации дополняют друг друга. Во внешней торговле ЕАЭС с третьими странами более 90% приходится на государства Евразии. В связи с этим перспективы евразийской интеграции тесно связаны с развитием сотрудничества в рамках Большой Евразии, а становление ЕАЭС в качестве одного из центров Большого евразийского партнерства зависит от успехов евразийского интеграционного проекта.

Ключевые слова: Большая Евразия, Шелковый путь, евразийская интеграция, экономическое партнерство, связанность, инфраструктура, сценарии развития.

JEL-классификация: F02, F15, F47, H54.

Материал поступил 22.05.2019 г.

В России идея Большой Евразии или Большого евразийского партнерства (БЕАП) обсуждается с 2016 г. Вместе с тем еще в 1996 г. начал работать Форум Азия–Европа (ASEM), нацеленный на нечто подобное. В Форуме участвуют 51 страна Европы и Азии, среди которых Россия и Казахстан. Годом позже, в 1997 г. был учрежден Фонд Европа–Азия (ASEF), призванный содействовать сотрудничеству стран континента.

Одним из проявлений стремления стран Евразии к сотрудничеству стало образование и расширение ШОС. Однако наиболее акцентированно формирование Большой Евразии связано с китайским мегапроектом «Новый шелковый путь», или «Один пояс – один путь», в котором выразили готовность участвовать более 80 государств, включая РФ и другие страны ЕАЭС и СНГ. Этот глобальный проект составляют множество частных проектов, реализуе-

мых заинтересованными странами при финансовой поддержке банков и фондов КНР.

В сентябре 2018 г. принята общая концепция Евросоюза в отношении развития сотрудничества в Евразии – «Связывая Европу и Азию»¹. При этом сама связанность в европейском понимании должна быть устойчивой, всеобъемлющей и основываться на международных правилах. Европейский союз планирует взаимодействовать со своими восточными соседями и азиатскими партнерами через развитие приоритетных транспортных коридоров, цифровых сетей и энергетическое сотрудничество, путем установления партнерских отношений на основе общепринятых правил и стандартов, обеспечивающих лучшее

¹ URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/50708/connecting-europe-and-asia-building-blocks-eu-strategy_en

* Вардомский Леонид Борисович (wardom@yandex.ru), доктор экономических наук, заведующий Центром Института экономики РАН (г. Москва, Россия).

управление потоками товаров, людей, капитала и услуг, устранения инвестиционных ограничений.

В России сотрудничество в рамках Большой Евразии понимается как экономическое партнерство, регуляторную базу которого предстоит еще только установить. Вполне возможно, в качестве ядра будет выступать ЕАЭС, к которому через формат зон свободной торговли разных модификаций будут подключаться заинтересованные страны. Первые такие проекты с Вьетнамом и Ираном реализованы.

В целом же понятие «Большой Евразии» предполагает формирование некоего ареала трансрегионального сотрудничества на Евразийском материке. В максимальном варианте это географическая Евразия плюс примыкающие к ней страны Северной Африки (Яковец, Растворцев, 2017), в ограниченном варианте – это территории ЕАЭС, ШОС, АСЕАН. Реальная территория, вовлеченная в БЕАП, и наполнение его конкретными проектами будут зависеть от воли и интересов стран-участниц и создания соответствующих международных институтов. Россия и ее партнеры по ЕАЭС занимают на пространстве Большой Евразии положение близкое к центральному, что означает наличие широкого круга соседей и прохождение через них самых коротких сухопутных путей, связывающих страны этой части света. А по арктическим морям, омывающим Россию, проходит наиболее короткий путь между странами Северо-Восточной Азии и Североморской и Балтийской Европы.

При реализации любой модели БЕАП необходимо успешное развитие ЕАЭС. С ним связаны надежды на модернизацию экономики стран-участниц и реализацию национальных интересов в экономическом развитии. В «Основных направлениях экономического развития ЕАЭС до 2030 г.», утвержденных в октябре 2015 г., подчеркивается, что цель экономического развития Союза – «обеспечить качество и устойчивость экономического роста государств-членов в результате интеграции»². Другой стимул евразийской интеграции – стремление

ее стран-участниц повысить свою конкурентоспособность и устойчивость к внешним шокам. Реализация этих целей позволит ЕАЭС выступать в качестве одного из центров БЕАП.

В статье рассматриваются вопросы развития евразийской интеграции в контексте концепции Большого евразийского партнерства и китайского мегапроекта «Один пояс – один путь».

О некоторых особенностях динамики евразийской интеграции в 2009–2018 гг.

Евразийская интеграция представляет собой один из вариантов развития группы внутриматериковых стран, удаленных от главных международных рынков. Это альтернатива модели развития под протекторатом ЕС или других мировых и региональных центров. В основе модели евразийской интеграции лежал опыт ЕС, однако в ходе ее институционального построения она сильно отошла от прототипа. В ней преобладает национальный уровень управления, необязательна унификация национальных институтов госуправления, она предполагает большое число изъятий из таможенных установлений и сохранение большого числа нетарифных ограничений для взаимной торговли, а также членство в ВТО стран ЕАЭС на разных условиях. Действующая модель интеграции, по существу, представляет собой баланс между объективной необходимостью интеграции и объективными же ограничениями для нее.

Становление евразийского интеграционного проекта происходило и происходит в неблагоприятных внешних условиях. Раскол постсоветского пространства по интеграционным и внешнеполитическим приоритетам, геополитический конфликт России и Запада, неустойчивая динамика глобальной экономики, волатильность цен на углеводороды затрудняют взаимопонимание между партнерами, ограничивают интеграционные инициативы, тормозят принятие решений.

Растущие риски от возрастающей неопределенности развития мировой экономики несут прежде всего страны с формирующимся рынком, к которым относятся государства ЕАЭС. Они проявляются в противоречиях между странами вокруг тради-

² Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года. 2015. Москва: Евразийская экономическая комиссия. С. 4.

ционной проблемы для интегрирующихся стран: кто выиграл от интеграции, а кто проиграл. Конкретно же экономические противоречия стран-участниц связаны с разными формами поддержки странами своих производителей, несовпадающими интересами в вопросах защиты общего рынка, разными уровнями налогов и сборов, разным пониманием сути общего рынка и принципов ценообразования на нем, несогласованной валютно-курсовой политикой.

Деятельность ЕЭК по реализации евразийского интеграционного проекта в рассматриваемый период концентрировалась на устранении барьеров на пути взаимной торговли путем принятия Таможенного кодекса ЕАЭС,³ устранения тарифных и нетарифных барьеров, перехода к единым техническим регламентам, расширения сферы использования во взаимных расчетах национальных валют (Коршунов, 2018). Институциональная связанность стран, однако, не сопровождалась ростом физической связанности национальных экономик, выражаемой объемами взаимной торговли. Бурный рост взаимной торговли после установления режима Таможенного союза с 47,1 млрд долл. в 2010 г. до 63,1 млрд долл.

³ Первая редакция ТС вступила в силу 1 января 2010 г., а новая версия – 1 января 2018 г.

в 2011 г. в 2012 г. замедлился, а затем сменился ее сокращением⁴ до 2016 г. (табл. 1). В 2017 г. объем взаимной торговли начал расти и в 2018 г. достиг почти 60 млрд долл.⁵

Отсутствие ярко выраженного тренда на рост торгово-экономической связанности отражают и относительные показатели, приведенные в табл. 1, которые, в представлении автора, более адекватно отражают развитие интеграционного процесса. При этом динамика относительной связанности, выраженная через отношение взаимной торговли к общему ВВП, взятому по номиналу и по ППС 5 стран Союза, в основном повторяет динамику взаимной торговли⁶. Это свидетельствует о том, что агенты общего рынка ЕАЭС или неформальной интеграции пока не могут в полной мере использовать преимущества свободной меж-

⁴ Речь идет о суммарном объеме взаимного экспорта пяти стран ЕАЭС.

⁵ Оценивая эту динамику, следует учитывать, что на стоимостный объем взаимной торговли ЕАЭС в текущих долларах сильное влияние оказывает динамика внешне-торговых цен и курсов национальных валют.

⁶ Для сравнения: относительные показатели торгово-экономической связанности стран ЕС многократно превышают показатели ЕАЭС. В 2017 г. внутренний экспорт ЕС относительно общего ВВП по ППС составил 17,89%, а относительно ВВП в текущих ценах – 19,77%. Рассчитано по данным: URL: https://www.wto.org/english/res_e/status_e/wts2018_e/wts2018_e.pdf; URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locale=ru&locations=>

Таблица 1

Динамика торговой связанности стран ЕАЭС в абсолютном и относительном выражении

Год	Объем взаимной торговли, млрд долл. (5 стран)	Общий номинальный ВВП ЕАЭС/ТС, млрд долл.	Отношение взаимной торговли к общему номинальному ВВП, %	Общий ВВП ППС ЕАЭС/ТС, млрд долл.	Отношение взаимной торговли к общему ВВП по ППС, %
2009	38,9	1402,7	2,77	3241	1,20
2010	47,1	1744,4	2,70	3434	1,37
2011	63,1	2323,7	2,72	4026	1,56
2012	68,6	2484,5	2,76	4274	1,61
2013	64,5	2628,2	2,45	4385	1,48
2014	57,4	2404,9	2,39	4422	1,29
2015	45,4	1631,6	2,64	4281	1,05
2016	43,0	1489,8	2,89	4310	1,00
2017	54,7	1814,3	3,01	4524	1,22
2018	59,7	1914,0	3,12	-	-

Источник. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locale=ru&locations=>; ЕЭК. Статистика ЕАЭС. Статистика внешней и взаимной торговли. Январь-декабрь 2018 г. и прошлые периоды. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/Pages/default.aspx; http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/national.aspx; Внешняя торговля стран Содружества Независимых Государств: стат. сборник. 2011. 2013. Москва: Межгосударственный статистический комитет СНГ.

государственной торговли при общей внешней таможенной границе.

Данные западных исследований свидетельствуют о том, что самоподдерживаемый рост внутрирегиональной торговли начинается с порога в 25% (Зевин, 2009. С. 9). В ЕАЭС ее доля, как отношение взаимного экспорта ко всему общему экспорту 5 стран, показала увеличение с 10,5% в 2009 г. до 11,4% в 2012 г. и 14,1% в 2017 г. В 2018 г. возрастающий тренд был прерван в результате снижения этого показателя до 12,2%.

Доля взаимной торговли в общем объеме внешней торговли увеличивалась в 2014–2016 гг. на фоне более сильного спада последней. Но она была значительно ниже упомянутого количественного критерия, равно как и у большинства других региональных интеграционных объединений стран догоняющего типа развития. Только у ЕС и НАФТА доля внутрирегиональной торговли сильно превышает данный критерий, в 2017 г. соответственно 64 и 50%⁷.

Для ЕАЭС с небольшим числом внутриконтинентальных стран с низкой в среднем «экономической плотностью» и заселенностью, разделенных большими расстояниями при слабо развитой транспортной инфраструктуре, с громадными различиями по размерам экономики и емкости национальных

рынков 25%-й критерий в обозримом будущем недостижим. Но если долю региональной торговли соотнести с числом стран – участников интеграционного объединения, то этот показатель у ЕАЭС (2,9%) будет выше, чем у ЕС (2,3%), но ниже, чем у МЕРКОСУР (3,2%), на одну страну-участницу.

Доля внутрирегиональной торговли во внешней торговле у Армении, Беларуси и Киргизии превышает 25%-й критерий, а у Казахстана она приближается к нему. Отметим, что у всех стран за исключением Киргизии в период 2015–2017 гг. доля взаимной торговли увеличивалась, но в 2018 г. у всех стран этот показатель понизился (табл. 2). У РФ он заметно ниже, в рассматриваемый период не превышал 9%, при том что на нее приходится 62–63% взаимной торговли. В 2018 г. доля торговли со странами ЕАЭС во внешнеторговом обороте РФ снизилась до 8,1%.

В целом же у стран ЕАЭС отмечается следующая закономерность – на фоне спада экономического роста и внешнеторговой активности доля взаимной торговли увеличивается, а на фоне роста сокращается.

Торгово-экономическая связанность экономик стран ЕАЭС многократно слабее, чем у ЕС. В расчете на душу населения объем взаимной торговли стран ЕАЭС в 2017 г. составил около 300 долл., что больше, чем в МЕРКОСУР – 183 долл. на человека, но меньше, чем на одного жите-

⁷ World Trade Statistical Review 2018. 2018. Geneva: WTO. P. 74.

Таблица 2

Изменение доли взаимной торговли у стран ЕАЭС, 2009–2018 гг.

Год	Доля взаимной торговли в общем объеме внешней торговли стран ЕАЭС, %				
	Армения	Беларусь	Казахстан	Киргизия	Россия
2009	18,7	47,9	19,0	34,0	8,1
2010	22,1	48,5	23,2	29,1	7,4
2011	21,5	46,4	18,2	39,4	7,5
2012	24,6	48,4	18,0	32,7	8,0
2013	27,4	50,7	18,4	40,6	7,5
2014	24,6	50,3	16,5	41,2	7,2
2015	26,3	49,5	20,8	44,3	8,1
2016	29,0	52,3	22,2	37,2	8,8
2017	29,6	52,5	22,8	38,4	9,0
2018	28,3	50,9	20,4	35,1	8,1

Источник. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/Pages/default.aspx; Внешняя торговля стран Содружества Независимых Государств: стат. сборник. Москва: Межгосударственный статистический комитет СНГ (за разные годы).

ля АСЕАН – 480 долл. на человека. Но все они сильно уступают ЕС с почти 7400 долл. на одного жителя Союза⁸. Последнее объясняется исторически широкой включенностью стран Европы в международные экономические отношения и бурным развитием транснациональными компаниями на пространстве ЕС трансграничных цепочек добавленной стоимости в рамках внутрифирменной кооперации и аутсорсинга, многократно пересекающих границы стран-участниц.

Сравнительно небольшие объемы взаимной торговли ЕАЭС обусловлены примитивизацией производства, произошедшей в странах после распада СССР, и рыночной трансформацией, вызвавшими сжатие материальной базы взаимной торговли (Вардомский, Пылин, Шурубович, 2016). Рост взаимных торговых потоков сдерживало также вступление России (2012 г.) и Казахстана (2015 г.) в ВТО на условиях, существенно понижавших изначально установленный внешний таможенный тариф, что повысило привлекательность на общем рынке ЕАЭС товаров, импортируемых из третьих стран. Взаимную торговлю в рамках ЕАЭС ограничивают и национальные административные (нетарифные) ограничения⁹.

В немалой степени замедляют развитие интеграционного процесса структурные особенности экономик стран-участниц, которые выражаются в таких концептуальных представлениях, как «ловушка среднего дохода» и «сырьевое проклятие».

Среди ограничений интеграции следует выделить резкое преобладание российского рынка и российской экономики в ЕАЭС. На Россию приходится более 85% общего ВВП Союза в номинальном выражении. Такие различия в размерах экономики неизбежно заставляют страны с небольшими экономиками думать о сохранении экономического суверенитета. Большие проблемы для стран-участниц создает «постсоветский синдром» – боязнь разрушительных для национальной экономики

последствий взаимозависимости, с которыми столкнулись страны в результате распада СССР.

Страны-участницы сильно различаются по макроэкономическим параметрам развития, что продуцирует разные интересы и ожидания от интеграции. Важным отличием являются несовпадающие задачи национального развития. Россия стремится укрепиться в статусе великой мировой державы, а ее партнеры – сохранить суверенитет и обеспечить устойчивое развитие. Страны ЕАЭС сильно различаются по уровню рыночной трансформации экономики, по степени вмешательства государства в экономику, ее монополизации и свободы предпринимательства. В итоге модель ЕАЭС несет в себе как элементы рационального экономического поведения, так и несовпадения ценностных ориентиров стран-участниц.

Эти обстоятельства, как правило, не учитываются при оценке эффектов евразийской интеграции. Неудачи и трудности, которые неизбежно возникают, как правило, объясняют политикой России¹⁰, забывая о том, что ЕАЭС – результат коллективных действий. В рамках ЕАЭС созданы и постоянно совершенствуются институты сотрудничества, отражая интересы стран-участниц (Винокуров, 2017) и условия их реализации.

Для того чтобы формирование общего торгового-таможенного пространства обернулось долгосрочным экономическим эффектом через масштабы производства и его оптимизацию, необходимо наращивание взаимных инвестиций в рамках совместных проектов, обеспечивающих рост комплексности экономик стран-партнеров. Это позволит усилить участие собственных технологий в модернизации национальных экономик, расширить межгосударственную кооперацию и на этой основе устойчиво повышать их связанность. Однако взаимные инвестиции невелики и их объемы подвержены большим конъюнктурным колебаниям. За 2014–2017 гг. объем взаимных прямых инвестиций стран ЕАЭС колебался в пределах 2,1 млрд долл. (2015 г.) и 1,1 млрд долл. (2017 г.), а их доля в общем объеме ПИИ, размещенных в Союзе, –

⁸ URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2018_e/wts2018_e.pdf

⁹ На конец марта 2019 г. выявлено 71 препятствие на пути взаимной торговли, в том числе 17, прямо нарушающих нормы Союза. Едовина Т. 2019. Барьеры подпадают под учет, но не устранению. Коммерсантъ. № 72. С. 2.

¹⁰ Иноземцев В. 2019. Что не так с евразийской интеграцией. РБК. С. 5.

между 13% и 3%¹¹. При этом около 80% взаимных прямых инвестиций приходится на российские компании.

Взаимные инвестиции сдерживаются рядом факторов: свободой взаимной торговли, отсутствием значительных преимуществ относительно друг друга по привлекательным для союзных инвесторов факторам производства, большими транспортно-логистическими издержками, ограниченной рыночной емкостью большинства стран ЕАЭС, валютными и политическими рисками, ограниченным предложением со стороны национальных компаний привлекательных друг для друга технологий для разных отраслей экономики. Преодолеть существующие барьеры возможно посредством широкого создания совместных предприятий с участием компаний стран-участниц. Но деятельность ЕАЭС пока не приводит к динамичному увеличению субъектов интеграционных процессов, дополнению вертикального построения интеграционного процесса горизонтальными каналами взаимодействия субъектов интегрирующегося рынка (компаний, территориальных администраций, некоммерческих организаций и т. д.), разработке и реализации крупных многосторонних проектов. Приоритет отдается национальным программам развития, которые зачастую реализуются с привлечением финансовых ресурсов и технологий третьих стран.

Это подтверждает то, что интеграционный фактор в национальных программах документах (государственных, региональных, отраслевых) учитывается в ограниченной степени. В частности, в Стратегии научно-технологического развития РФ от 1 декабря 2016 г. в разделе «Сотрудничество и интеграция» речь идет о сотрудничестве с иностранными государствами в целом, а сотрудничество и интеграция с партнерами по ЕАЭС даже не упоминаются. В разрабатываемой Стратегии пространственного развития РФ евразийская интеграция также не рассматривается как существенный фактор развития российских регионов. Среди стран ЕАЭС более широко интеграционный фактор учитывается в программных документах у Белару-

¹¹ Прямые инвестиции в Евразийском экономическом союзе. 2017. 2018. Статистический бюллетень. ЕЭК. 2018. С. 6–7.

си. Так, в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. неоднократно отмечается необходимость сотрудничества со странами ЕАЭС в реализации приоритетных направлений инновационного развития (Шурубович, 2018).

Несогласованность экономических политик стран Союза отражается в импортозамещении, ставшем одним из главных направлений в промышленной политике России и других стран. Преодоление технологической отсталости национальной экономики и выход на траекторию ее стабильного роста невозможен без поддержки развивающихся отраслей мерами протекционистской политики, ограничения или запрета импорта продукции, составляющей конкуренцию местным товарам. Политика импортозамещения в РФ рассматривается в качестве существенного фактора развития экономики (Цухло, 2016). При этом на нее возложена и задача технологического переоснащения отраслей, что должно привести к росту добавленной стоимости и диверсифицировать экспорт. При этом экспорт продукции с более высокой добавленной стоимостью ориентируется в основном на рынки стран ЕАЭС и СНГ. Во многом благодаря такой политике положительное сальдо РФ в торговле с партнерами по ЕАЭС выросло за 2015–2017 гг. с 14,6 млрд долл. до 16,2 млрд долл. В 2018 г. сальдо достигло 19,3 млрд долл. В конечном итоге несогласованность в национальном развитии приводит не только к диспропорциям во взаимной торговле России и ее партнеров, но и перепроизводству отдельных видов продукции на формирующемся общем рынке со всеми вытекающими из этого негативными последствиями¹².

Таким образом, при активном формировании институтов евразийской интеграции структурно-технологические изменения в производственном секторе экономики

¹² В частности, созданные в РФ мощности по производству труб большого диаметра в настоящее время в три раза превосходят внутренний спрос на них (Джумайло А. 2018. У Газпрома выдался трубный вечер. Коммерсантъ. № 221). Тем не менее в Казахстане с помощью КНР строится крупный завод по производству труб большого диаметра, который ориентируется также на сбыт своей продукции в странах ЕАЭС. (Глинкина, Куликова, Тураева, Голубкин, Яковлев, 2018. С. 23).

стран-участниц происходят несогласованно, и тем самым не расширяется их связанность посредством устойчивого наращивания производственной кооперации. Страны пока не готовы ограничить свой суверенитет в сфере управления национальной экономики и реализации избранных приоритетов развития. В связи с этим временной лаг между учреждением интеграционных институтов и формированием интегрированной экономики может быть довольно большим.

Ограниченную динамику торгово-экономической связанности в евразийской интеграции в определенной мере компенсирует довольно высокий уровень социальной связанности. Безвизовый режим, масштабные трудовые миграции, значительные национальные диаспоры, роль русского языка как языка межнационального общения, широкие социокультурные связи, а также установленные в рамках ЕАЭС взаимные преференции (признание документов об образовании, правила приобретения или аренды недвижимости, право на медицинскую помощь, ведение трудовой деятельности на основе заключения договора с работодателем и т. д.) формируют общее социальное пространство ЕАЭС. Согласно Договору о ЕАЭС работники государств-членов имеют право на трудоустройство в любой стране ЕАЭС и на получение базовых социальных гарантий для себя и членов семьи (Винокуров, 2017). Трудовая деятельность граждан Армении и Киргизии в РФ и Казахстане составляет важную статью доходов их домохозяйств. Приток заработанных в других странах денег повышает благосостояние населения, способствует сокращению бедности и социальных различий. В общем объеме инвестиций в Армению в 2017 г. около 24% приходилось на средства населения. У Киргизии этот показатель равнялся 26%, у Беларуси – 12%, Казахстана – 6%¹³. Для стран-реципиентов трудовые ресурсы из партнерских стран позволяют ликвидировать дефицит по некоторым специальностям, формировать конкуренцию на рынке труда, получать дополнительный прирост ВВП.

Сценарии развития ЕАЭС как отражение сложности принятия решений по развитию интеграции

Возможные сценарии развития евразийской интеграции были разработаны в ЕЭК в год запуска интеграционного проекта, что свидетельствует о понимании государствами-участниками сложности интеграционных задач. В «Основных направлениях экономического развития ЕАЭС до 2030 г.» выделено три возможных сценария развития Союза: «Инерционный» («Продленный статус-кво»), «Фрагментарный» («Транзитно-сырьевой мост») и «Максимальный» («Собственный центр силы») ¹⁴. Выделенные сценарии отражают разные подходы стран-участниц к интеграционным задачам и путям их достижения с учетом того, что решения принимаются на основе консенсуса стран-участниц.

При реализации сценария «Инерционный» интеграция осуществляется на действующей экономической и институциональной основе при том, что развитие национальных экономик происходит в соответствии с избранными странами приоритетами. Осуществление интеграционных мероприятий, записанных в Соглашении о ЕАЭС, исполняется с задержками. Торговая связанность стран невелика, взаимные инвестиционные потоки незначительны, но при этом функционирует общий рынок труда.

При реализации сценария «Фрагментарный» интеграция строится на углублении сотрудничества в сфере транспорта и инфраструктуры, а также сотрудничества в сырьевом секторе с целью наращивания экспорта транспортных услуг и сырьевых товаров в третьи страны, при углублении сотрудничества в социальной сфере. При этом сценарии внутренняя связанность растет благодаря совместному или согласованному удовлетворению спроса третьих стран на товары и услуги, производимые в ЕАЭС.

При реализации сценария «Максимальный» осуществляется более глубокая координация действий стран по ключевым направлениям, определяющим конкурентоспособность их экономик, возрастают вза-

¹³ Содружество Независимых Государств в 2017 г. Статистический ежегодник. Москва: МГСК СНГ. 2018. С. 242, 284, 325, 365.

¹⁴ Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года. 2015. Москва: Евразийская экономическая комиссия. С. 48–50.

имные инвестиции, растут трансграничные цепочки добавленной стоимости. Такой сценарий предполагает создание механизмов быстрого разрешения возникающих противоречий и на этой основе глубокую экономическую и социальную связанность входящих в Союз стран. Он допускает расширение полномочий ЕЭК в плане координации экономического развития. Важным условием перехода к этому сценарию являются устранение экономических противоречий между странами, устойчивое макроэкономическое положение, постепенное сокращение межстрановых различий по уровню развития входящих в Союз государств, динамичное формирование общего рынка товаров и услуг. Среди упомянутых трех сценариев наиболее жизнеспособным оказался «фрагментарный», но с элементами «инерционного».

В 2018 г. появился еще один сценарный документ, разработанный Всероссийской академией внешней торговли. В нем учитываются новые идеи по развитию евразийской интеграции, возникшие после 2015 г. В проекте ВАВТ выделяются четыре сценария: «стагнационный», «базовый», «интеграционного рывка» и «интеграционного партнерства» (Спартак, 2018. С. 398–416).

Признаками «стагнационного сценария» являются отсутствие положительной динамики в торгово-экономической связанности, ухудшение бюджетно-финансового положения стран (рост внешней задолженности, неустойчивость валютного курса, хронический бюджетный дефицит), усиление различий между странами по уровню доходов населения, обострение взаимных претензий и противоречий.

«Базовый сценарий» соответствует тому положению, которое наблюдается в данный момент в ЕАЭС. Недостаток экономической связанности компенсируется довольно высоким уровнем социальной и ростом инфраструктурной связанности. Следует отметить, что у Армении, Беларуси, Казахстана и Киргизии за 2010–2018 гг. заметно выросла валовая внешняя задолженность, но при этом несколько сократились различия между максимальным и минимальным уровнями номинальной ежемесячной зарплаты: в 2009 г. разница между

РФ и Киргизией составляла 4,1 раза, а в 2018 г. – 2,9 раза¹⁵.

«Сценарий интеграционного рывка» предполагает радикальное углубление интеграционных процессов в ЕАЭС. Это примерно то, что предполагает «максимальный» сценарий ЕЭК. Но для этого недостаточно формирования интеграционных институтов. Необходимо ускоренное развитие взаимных инвестиций и трансфера технологий, широкое использование проектных инструментов интеграции, согласованное и однонаправленное проведение в странах институциональных реформ. В случае если модернизация национальных экономик будет по-прежнему происходить в основном за счет инвестиций и технологий из третьих стран, ни создание единой системы технических регламентов, ни дальнейшее повышение доли национальных валют в обслуживании взаимной торговли не сможет ускорить рост взаимного товарооборота. Эти меры могут дать эффект только при усилении координации макроэкономической политики, расширении проектных функций ЕЭК, а также, как справедливо указывается в проекте ВАВТ, при значительном расширении бюджетных ресурсов ЕАЭС. Но насколько готовы к этому страны-участницы?

«Сценарий интеграционного партнерства» предполагает реализацию принципа свободы торговли и инвестиций в отношениях как между странами ЕАЭС, так и между ЕАЭС и третьими странами. Следует отметить, что во внешней торговле ЕАЭС с третьими странами более 90% приходится на государства Евразии. Выдвижению этого сценария, с одной стороны, способствовало обретение опыта в ходе разработки и реализации Соглашений о ЗСТ между ЕАЭС и Вьетнамом, а затем и с Ираном, о торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем, с другой – пробуксовка развития интеграции «вглубь» или перехода к сценарию «Максимальный». В настоящее время ЕАЭС ведет переговоры по заключению соглашений о свободной торговле с Египтом, Сингапуром, Сербией и Израилем. В

¹⁵ ЕЭК. Статистика. Труд и заработанная плата. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/dynamic.aspx

этом сценарии важное место призваны занять такие страны СНГ, как Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан. В дальнейшем возможны подобные соглашения с другими странами Восточной и Юго-Восточной Азии (включая Южную Корею), а также, в случае изменения геополитической ситуации, возобновление переговоров о создании ЗСТ между ЕАЭС и ЕС.

Сегодняшнее положение дел в ЕАЭС соответствует базовому сценарию с элементами интеграционного партнерства.

Корректировка курса евразийской интеграции

В «Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС» от 6 декабря 2018 г. ставится задача превращения ЕАЭС в один из наиболее значимых центров современного мира и одновременно расширения взаимовыгодного сотрудничества с третьими странами в рамках идеи «Большого Евразийского партнерства». Иными словами, в данном документе процессы углубления интеграции в рамках ЕАЭС и включение ее в трансрегиональные проекты рассматриваются в определенном единстве. В то же время в Декларации вполне отчетливо сделан акцент на углубление евразийского интеграционного процесса путем повышения эффективности единого рынка ЕАЭС, ускоренного внедрения цифровых технологий, систем управления и финансирования совместных кооперационных проектов, ориентации интеграции на повышение качества жизни населения¹⁶.

Декларация подготовлена на основе Доклада ЕЭК о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза, в котором используется не сценарный, а программный подход¹⁷. В документе обосновывается необходимость реализации сценариев «Максимального» или «Интеграционного» рывка, поскольку прошедшие 5 лет с момента запуска проекта евразийской интеграции оказались не вполне удачными с точки зре-

ния «темпов евразийской интеграции»¹⁸. В Докладе указывается на необходимость корректировки плана реализации целей интеграции, записанных в Соглашении о создании ЕАЭС, и ускорения интеграции в связи с наметившимся сокращением спроса на мировых рынках, усилением протекционизма, кризисом многосторонней торговой системы. Упор на ускорение хода интеграции является отражением понимания того, что идея превращения ЕАЭС в центр трансрегионального проекта – «всеобъемлющего континентального партнерства»¹⁹ – зависит от динамики евразийского интеграционного процесса и его более тесной увязки с развитием Союза «вширь».

Пятилетний опыт интеграции свидетельствует о том, что наиболее быстро она осуществляется в тех сегментах экономики, в которых наблюдается наибольшее совпадение интересов стран-участниц, а также их интересов и интересов третьих стран. К таким сегментам, в частности, относится создание инфраструктурных сетей, которые обеспечивают трансграничное движение товаров, людей, капиталов, информации.

Договором о ЕАЭС предусмотрено осуществление скоординированной (согласованной) транспортной политики, направленной на последовательное и поэтапное формирование единого транспортного пространства (ЕТП) на принципах конкуренции, открытости, безопасности, надежности, доступности и экологичности, которое является частью единого экономического пространства, посредством которого осуществляется свободное трансграничное движение товаров, услуг, капиталов и людей. Образование ЕТП осуществляется посредством поэтапного создания к 2025 г. общего рынка транспортных услуг (ОРТУ), формирование которого позволит удешевить и ускорить взаимные перевозки, обеспечить гарантированный и равный доступ к услугам национального транспорта всех стран-участниц при перевозках внутри Союза и между странами Союза и третьими странами. Одна из главных задач ЕТП и ОРТУ – превратить транзит из барьера в фактор, содействующий развитию стран-участниц.

¹⁶ URL: https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/01420213/ms_10122018

¹⁷ Доклад об основных направлениях интеграции в рамках Евразийского экономического союза. ЕЭК. 2018. Москва: Евразийская экономическая комиссия.

¹⁸ Там же. С. 80.

¹⁹ Там же.

По мере движения в направлении создания ОРТУ ЕАЭС будет превращаться в единое транзитное пространство с единым транзитным тарифом для отдельных видов транспорта. Это касается не только транзитных перевозок между странами ЕАЭС, но и транзита, обусловленного перевозками между ними и третьими странами, а также между третьими странами.

В последней составляющей евразийского транзита в последние годы быстро растут контейнерные перевозки между ЕС и Китаем. Скоростной контейнерный транспорт создает предпосылки для развития Западного Китая и преодоления его внутриконтинентальности, поскольку многие части Синьцзян-Уйгурского автономного района находятся на максимальной удаленности от океанов. На значительном расстоянии от моря расположены и многие крупные промышленные города центральной части страны. В воссоздании Шелкового пути просматривается стремление КНР максимально дифференцировать варианты сообщения с мировыми рынками для обеспечения геополитической устойчивости своей экономики и улучшить условия развития городов и регионов, удаленных от моря²⁰.

Центральную роль в организации движения регулярных контейнерных поездов играет совместная компания железных дорог Беларуси, Казахстана и России «ОТЛК ЕРА», которая, начав свою деятельность в 2014 г., в 2018 г. перевезла более 280 тыс. контейнеров ДФЭ²¹ (в 2015 г. – 100 тыс.), организуя движение более 2500 контейнерных поездов между 52 городами Европы и Китая²². В 2018 г. на компанию приходилось 2/3 всех контейнерных перевозок между ЕС и КНР. В 2025 г. их объем может достигнуть 1 млн ДФЭ.

В настоящее время в ведущий фактор инфраструктурной связанности постсоветского пространства превращается «цифровая кооперация». Речь идет о создании общих цифровых платформ для торговли, промыш-

ленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий, обеспечения трудоустройства и занятости граждан государств – членов ЕАЭС, транспортных коридоров ЕАЭС, отслеживания движения товаров от производителя до конечного потребителя, для малого и среднего бизнеса, а также общих интернет-ресурсов в сфере образования, культуры и туризма²³. Цифровая кооперация позволяет наращивать горизонтальные взаимодействия и вовлекать в интеграционный процесс все больше юридических и физических лиц. Широкое внедрение информационно-коммуникационных технологий способствует динамичному росту экспорта услуг. Цифровизация имеет значительный потенциал усиления экономической и социальной связанности евразийского пространства, но при условии единой стратегии и совместных проектов. В противном случае, при автономной цифровой политике, будут возникать дополнительные барьеры для формирующихся общих рынков²⁴.

Из Доклада ЕЭК следует, что развитие евразийской интеграции «вширь» целесообразно рассматривать в качестве инструмента гибкого использования механизмов регионализации и трансрегионализации для целей национального развития, усиления экономической связанности стран ЕАЭС и наращивания ими экспортного потенциала несырьевых товаров. Для этой цели необходим глубокий анализ взаимодополнения ЕАЭС и других интеграционных объединений. Одна из немногих работ на эту тему связана с рассмотрением потенциала сотрудничества ЕАЭС и АСЕАН и оценкой их комплементарности (Лисоволик, 2017).

Вместе с тем необходимо учитывать и те риски, которые несет установление режима свободной торговли в рамках возникающих партнерств ЕАЭС с заинтересованными странами. Товары и инвестиции из третьих стран могут теснить производителей стран Союза на собственном рынке и тем самым ограничивать рост его экономической связанности, а в предельном варианте – ее ослаб-

²⁰ Вардомский Л.Б. 2018. Евразийская интеграция и транзит. Белорусский экономический журнал. № 3. С. 33–50.

²¹ ДФЭ – в двадцатифутовом эквиваленте.

²² Президент ОТЛК ЕРА выступил на итоговом заседании технико-экономического совета Белорусской железной дороги. URL: <https://utlc.com/news/prezident-otlk-era-vystupil-na-itogovom-zasedanii/>

²³ ЕАЭС переходит на проектный формат реализации цифровой повестки. ЕЭК. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/01-02-2019-3.aspx>

²⁴ Краснушкина Н. 2019. Поперед батьки в цифру. *Коммерсантъ*. № 19. С. 2.

лять. В частности, инвестиции Вьетнама в сферу молочного производства в России могут ограничить долю Беларуси на рынке молока и молочных продуктов.

Намеченное ускорение и углубление евразийского интеграционного процесса будет происходить в условиях наращивания Китаем усилий по реализации мегапроекта «Один пояс, один путь». КНР рассматривает пространство ЕАЭС как важную часть своего проекта и предполагает расширить экономические связи с новыми независимыми государствами с целью усиления глобальных позиций своей экономики, ускорить развитие Синьцзян-Уйгурского автономного района в рамках стратегии расширения внутреннего рынка. При этом Китай по финансовым и политическим причинам отказался от изначального формата «64 + 1» и осуществляет новый подход к своему мегапроекту на основе концепции «страны-участницы в совместном развитии Шелкового пути»²⁵.

Вхождение России и других стран постсоветского пространства с согласованными с Китаем проектами в «Экономический пояс Шелкового пути», безусловно, повышает значимость геоэкономического положения ЕАЭС между ЕС и Китаем и другими странами Восточной Азии. Экономические интересы Китая могут воздействовать в пользу усиления сотрудничества не только стран ЕАЭС, но и всех постсоветских государств в сфере транспорта и энергетики. С учетом интереса Китая в надежном снабжении своей экономики топливом и сырьем его больше устроило бы развитие ЕАЭС по сценарию «Фрагментарный» или «Базовый».

В целом же и китайский мегапроект, и российская идея БЕАП нацелены на создание единого экономического пространства на Евразийском материке. Но двигаться к этой цели можно разными путями. Помимо Шелкового пути, построенного на реализации совместных проектов или координации национальных проектов, есть еще путь активизации экономического сотрудничества в рамках ШОС и развития упоминавшегося выше трансрегионального сотрудничества ЕАЭС по модели «интеграция интеграций». Однако при

любом варианте главной предпосылкой успешной реализации идеи БЕАП является укрепление экономической и социальной связанности стран ЕАЭС.

Вместе с тем направления развития ЕАЭС, записанные в Декларации и Докладе ЕЭК, могут столкнуться с серьезными трудностями, связанными, с одной стороны, с дальнейшим ухудшением геополитической обстановки в мире, усилением протекционистских практик, развертыванием «торговых и санкционных войн», нарастанием евроскептицизма, с другой – с противодействием «интеграционному рывку» национальных бюрократий, не заинтересованных в реализации наднациональных функций ЕЭК, не говоря уже об их усилении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (REFERENCES)

Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Шурубович А.В. 2016. Сотрудничество России и стран СНГ в контексте модернизации национальных экономик. *Белорусский экономический журнал*. № 4. С. 4–16. [Vardomskiy L.B., Pylin A.G., Shurubovich A.V. 2016. Cooperation between Russia and the CIS countries in the context of the modernization of national economies. *Belorusskiy ekonomicheskii zhurnal*. No 3. PP. 4–16. (In Russ.)]

Винокуров Е.Ю. (Ред.). 2017. *Евразийский экономический союз*. Санкт-Петербург: Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития. С. 133–141. [Vinokurov E.Yu. (Ed.). 2017. *Eurasian Economic Union*. Sankt-Peterburg: Tsentr integratsionnykh issledovaniy Evraziyskogo banka razvitiya. PP. 133–141. (In Russ.)]

Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О., Голубкин А.В., Яковлев А.А. 2018. *Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России*: научный доклад. Москва: Институт экономики РАН. С. 23. [Glinkina S.P., Kulikova N.V., Turaeva M.O., Golubkin A.V., Yakovlev A.A. 2018. *The Chinese factor in the development of the countries of the Russian neighborhood belt: Lessons for Russia*. Scientific report. Moscow: Institut ekonomiki RAN. P. 23. (In Russ.)]

Зевин Л.З. 2009. *Постсоветское пространство: региональная составляющая экономического роста*: научный доклад. Москва: Институт экономики РАН. С. 9. [Zevin L.Z. 2009. *The post-Soviet space: A regional component of economic growth*: Scientific report. Moscow: Institut ekonomiki RAN. P. 9. (In Russ.)]

Коршунов Д.А. (Ред.). 2018. *Национальные валюты во взаимных расчетах в рамках ЕАЭС: препятствия и перспективы*: доклад № 48. Санкт-

²⁵ Чжао Лэй. 2019. Новое измерение «пояса и пути»: анализ доклада о работе правительства. Китай. № 4. С. 29–30.

Петербург: Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития. С. 19. [Korshunov D.A. (Ed.) 2018. *National currencies in mutual settlements within the framework of the EAEU: Obstacles and prospects*: Report number 48. Sankt-Peterburg: Tsentr integratsionnykh issledovaniy Evraziyskogo banka razvitiya. P. 19. (In Russ.)]

Лисоволик Я.Д. 2017. Евразийский экономический союз и АСЕАН: оценка взаимодополняемости. *Международные процессы*. Т. 15. № 3. С. 46–54. [Lissovolik Y. D. 2017. Eurasian economic union and ASEAN: Complementary appraisal. *Mezhdunarodnye Protsessy*. Vol. 15. No 3. PP. 46–54. (In Russ.)]

Спартак А.Н. 2018. *Современные трансформационные процессы в международной торговле и интересы России*. Москва: Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации. С. 398–416. [Spartak A.N. 2018. *Modern transformation processes in international trade and the interests of Russia*. Moscow: Vserossiyskaya akademiya vneshney

torgovli Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii. PP. 398–416. (In Russ.)]

Цухло С.В. 2016. Проблемы и успехи импортозамещения в российской промышленности. *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 4. С. 147–153. [Tsukhlo S.V. 2016. Challenges and Successes of Import Substitution in the Russian Industry. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*. No 4. PP. 147–153. (In Russ.)]

Шурубович А.В. 2018. Инновационное сотрудничество стран ЕАЭС. *Россия и новые государства Евразии*. № 1. С. 50–67. [Shurubovich A.V. 2018. Innovative cooperation of the EAEU countries. *Russia and the new states of Eurasia*. No 1. PP. 50–67. (In Russ.)]

Яковец Ю.В., Растворцев Е.Е. 2017. *Большая Евразия: стратегия партнерства цивилизаций и объединений*: научный доклад. Москва: МИСК. 63 с. [Yakovets Yu.V., Rastvortsev E.E. 2017. *Great Eurasia: Strategy for partnership of civilizations and unions*: A Scientific Report. Moscow: MISK. 63 p. (In Russ.)]

In citation: *Belorusskiy ekonomicheskii zhurnal*. 2019. No 2. PP. 52–63.

Belarusian Economic Journal. 2019. No 2. PP. 52–63.

EURASIAN INTEGRATION IN THE CONTEXT OF GREATER EURASIA FORMATION

Leonid Vardomskiy¹

Author affiliation: ¹ Institute of Economics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Corresponding author: Leonid Vardomskiy (wardom@yandex.ru).

ABSTRACT. The concept of «Greater Eurasia» means a certain area of international cooperation on the Eurasian continent, and filling it with specific projects and creating international institutions for this purpose depends on the will and interests of the participating countries. Eurasian integration is an integral part of the emerging Great Eurasian Partnership.

To assess the Eurasian integration process, the concept of «economic connectivity» is used, which refers to the level of interaction between the economies of the integrating countries, in institutional, trade-economic and social aspects. The desire to develop the Eurasian integration «in-breadth» and «in-depth» indicates that the multi-level regionalization processes complement each other. In foreign trade of the EAEU with third countries, more than 90% is accounted for by the states of Eurasia.

In this regard, the prospects for Eurasian integration are closely related to the development of cooperation within the framework of Greater Eurasia, and the formation of the EAEU as one of the centers of the Greater Eurasian Partnership depends on the success of the Eurasian integration project.

KEYWORDS: Greater Eurasia, Silk Road, Eurasian integration, economic partnership, connectivity, infrastructure, development scenarios.

JEL-code: F02, F15, F47, H54.

Received 22.05.2019

